

Варианты ТИШИНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виктор Муравьев

18+

Виктор Муравьёв
Варианты тишины

«Автор»

2026

Муравьёв В.

Варианты тишины / В. Муравьёв — «Автор», 2026

Есть книги для развлечения. Эта нет. Она для тех, кто знает, как выглядит три часа ночи. Для тех, кто обещал больше никогда и не сдержал слово. Для тех, кто хотя бы раз смотрел в потолок и думал: Где я свернул не туда?. Это история про то, как провалиться в другие времена и везде найти себя. Про любовь, которая не уходит, даже когда её выгнали. Про тишину, в которой тонут все слова. Про то, что сбежать от себя нельзя. И про то, что даже после самого страшного падения можно встать.

© Муравьёв В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Вязкая ночь	5
Глава 2: Заложённый подвал	10
Глава 3: Чекушка в рюкзаке	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Муравьев

Варианты тишины

Даже разбитую жизнь можно собрать заново. Если не бояться порезаться.

Глава 1: Вязкая ночь

Ночь в доме была субстанцией плотной и вязкой, как смола на старых соснах. Она обволакивала углы, прятала звуки в вату снов и только изредка позволяла часам на кухне отсчитывать секунды робкими, механическими щелчками. Тишина была хозяйкой, её владения простирались от входной двери до дальней спальни, где Вера спала тем тяжелым сном, который приходит только под утро после двух суток ожидания.

Звук оборвал эту власть не сразу. Сначала ключ, долго и безнадежно царапавший замок, потом – утробный гул двери, впустившей сквозняк, а затем тяжелые, неровные шаги, спотыкающиеся о половицы.

Вера открыла глаза в полной темноте. Сердце стукнуло раз, другой и покатилося куда-то вниз, к самому желудку. Встать не хотелось. Хотелось, чтобы шаги растаяли, испарились, оказались игрой воображения. Но в прихожей зажегся свет, пробившись тонкой полоской под дверь, и к свету примешалось сопение, кряхтение и сдавленный мат.

Она встала. Прохладный пол обжег пятки, и этот холод, кажется, разом прошел по всем костям, до самого затылка. Накинув халат на голые плечи, Вера бесшумно прошла по коридору и остановилась, прислонившись плечом к дверному косяку. Свет резанул по глазам.

Картина, открывшаяся ей, была до ужаса привычной и оттого особенно страшной. Глеб сидел на шатком стуле, расставив ноги, и вел ожесточенную войну с собственным ботинком. Шнурок, казалось, завязался в мертвый узел самой судьбой, а нога распухла настолько, что щегол сапога не желал поддаваться. Глеб кряхтел, налегая всем телом, готовый вот-вот рухнуть вместе с хлипкой конструкцией.

– Твою ж налево, – шипел он сквозь зубы, дергая за пятку.

Вера вздохнула. Этот вздох не был слышен, он растворился в воздухе, но вместе с ним из нее вышла капля той надежды, что еще теплилась где-то внутри два дня назад. Она просто смотрела.

Глеб, наконец, почувствовав взгляд, поднял голову. Глаза его, красные и мутные, сфокусировались на ней не сразу. На лице расцвела пьяная, кривая улыбка узнавания, которая тут же сменилась наигранным возмущением.

– О! Явилась! – голос его разорвал тишину, как ржавый гвоздь рвет тонкий шелк. – Два дня, блядь, ищем тебя! Где шляешься?

Последний рывок – и ботинок, наконец, слетел. Глеб, не удержав равновесия, вместе со стулом с грохотом повалился на пол, ударившись локтем об тумбу.

Вера смотрела на него сверху вниз. Мутный свет, разбитая фигура на полу, запах перегара и уличной грязи. К горлу подкатил ком, защипало в носу. Одна слеза, предательница, сорвалась и побежала по щеке, оставляя мокрый след. Она не стала её вытирать при нем. Просто развернулась и ушла обратно в спальню, плотно, но без истерики, прикрыв за собой дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

С пола донеслось ворчание. Глеб, морщась и потирая ушибленный локоть, поднялся на ноги.

– Ой, ой, ой, – скривился он, копируя кого-то невидимого. – Какие мы, блядь, нежные! Слезу пустили!

Раскачиваясь, держась за стены, он побрел на кухню. Яркий свет холодильника ударил по глазам, заставив сошуриться. Внутри было пусто, если не считать начатой бутылки кефира и засохшего сыра.

– Слышь, Вер! – крикнул он в пустоту коридора, не оборачиваясь. – А где у нас?..

Он махнул рукой в воздухе, пытаясь поймать ускользающее слово.

– Во страна, а! – продолжил он уже сам себе, уставившись в светящиеся недра агрегата.

– И нефть в ней есть, и газ... ну, в натуре, есть! А народу, нехуй есть!

Взгляд его упал на кастрюлю с борщом, стоящую на нижней полке. Лицо осветилось удовольствием.

– А вот это – разговор! – пробормотал он, выуживая тяжелую эмалированную посудину.

Путь до стола составлял три шага. Глеб сделал два. Поставив кастрюлю на самый край столешницы, он развернулся к навесному шкафчику за тарелкой. Пальцы плохо слушались, ручка никак не поддавалась. В этот момент тишину ночи разорвал оглушительный, леденящий душу звон. Кастрюля, качнувшись на краю, рухнула вниз. Густой, красный, еще пахнущий свеклой и чесноком борщ растекался по линолеуму огромной лужей, осколки стекла (от разбившейся миски, стоявшей на сушке) блестели, как осколки снаряда.

Глеб замер. Медленно повернул голову, посмотрел на борщ, на опрокинутую кастрюлю, на свои носки, уже впитавшие темную жижу. Бровь его удивленно поползла вверх. Он слегка покачнулся.

– Ну, пиздец, – констатировал он с какой-то философской грустью. – Покушали, блядь.

Он со злостью пнул кастрюлю ногой. Она со скрежетом отлетела к стене. Сухие брызги борща украсили светлые обои прихожей, куда он вышел, шлепая мокрыми носками. В коридоре он стянул их, брезгливо скривился и с силой швырнул один носок в сторону кухни. Тот врезался в стену рядом со свежим пятном и, чавкнув, шлепнулся на пол.

Глеб, стоя босиком на холодном полу, сунул ноги в уличные ботинки, даже не зашнуровав.

– Дошик... – бормотал он, шаря рукой по тумбе в поисках паспорта. – Надо дошик взять... Не, ну блядь, нихуя без меня в этом доме не могут! Ни-ху-я!

Хлопнула входная дверь. Тишина вернулась, но теперь она была другой – звенящей, наполненной запахом борща и разбитой посуды.

Прошла минута. Может, две. Дверь спальни бесшумно открылась. Вера вышла в коридор, босиком, в длинной ночной рубашке. Она остановилась, оглядывая поле боя: разбросанные ботинки, носки на стене, кровавое месиво на полу кухни. Настенные часы с котами показывали два ночи.

Она медленно прошла на кухню, перешагнув через лужу. Взяла тряпку, ведро. Встала на колени прямо в холодный борщ. Глаза ее были сухими, но по щеке, по той же самой дорожке, что и полчаса назад, снова потекла слеза. Она не вытирала и эту.

Взяв пустую кастрюлю, Вера поднесла её к раковине. Эмаль была ещё теплой. Включила воду. Горячая струя ударила в остывший жир на дне, разбивая его на тысячи мелких шариков.

Вода смывала борщ. Смывала вечер. Смывала всё.

Всего четыре часа назад в этой кастрюле кипела жизнь – свежая капуста, молодая картошка, мясо, которое она специально купила на рынке. Она готовила его с мыслью, что Глеб вернется, они сядут ужинать, и будет тепло.

Теперь это все стекало в раковину. Вместе со слезами. Вместе с очередной ночью.

Сознание вернулось ударом. Глеб открыл глаза и увидел небо. Серое, утреннее, с рваными клочьями облаков. Голова раскалывалась так, будто внутри кто-то бил кувалдой по черепной коробке.

Мяч прилетел второй раз. Уже по затылку.

– Ах ты, лохушка! – заорали детские глотки где-то совсем рядом.

Глеб приподнялся на локте, мутным взглядом обвел пространство. Он сидел, прислонившись к дереву, прямо на земле в палисаднике. Собственный двор. Собственная многоэтажка напротив. Метрах в пяти гоняли мяч пацаны, один из них сейчас показывал на него пальцем и ржал.

– Дядя проснулся! Дядя, ты живой?

Глеб попытался встать. Тело не слушалось, было ватным, чужим, налитым свинцом. С третьей попытки он поднялся, цепляясь за ствол, и его вывернуло на пожухлую траву. Пацаны с воплями разбежались.

– Эй! – визгливый женский голос резанул по ушам. – Вы чего творите! А ну пошли вон! А вы, мужчина, совесть имейте! Тут дети играют! Напились и валяетесь!

Какая-то тетка с коляской смотрела на него с таким выражением, будто нашла под ногами дохлую крысу. Глеб сплюнул, вытер рот рукавом куртки и, пошатываясь, побрел к подъезду.

В голове была каша. Последние дни слиплись в один бесконечный ком. Были лица, были руки с рюмками, шумный вокзал, чей-то смех, чьи-то скандалы. Где, с кем, когда – всё перемешалось и потеряло смысл. Осталась только мысль: домой. Там Вера. Там борщ.

Подъезд. Домофон. Глеб, щурясь от тусклого утра, приложил ключ-таблетку к считывателю. Красный огонек. Раз. Два. Он постучал ключом по пластику, потер о куртку, снова приложил – ноль. Со всей дури врезал кулаком по железной двери.

Звук гулко разнесся по подъезду. И вдруг дверь щелкнула и открылась изнутри. На пороге стоял мужик в трениках, с мусорным пакетом в руке. Посмотрел на Глеба, поморщился от запаха, молча посторонился и вышел, бросив через плечо:

– Долбишься с утра пораньше...

Глеб ввалился внутрь. Лестница покачивалась перед глазами, ступени то поднимались, то опускались. Он цеплялся за перила, считал этажи. Первый. Второй. На площадке четвертого остановился, всматриваясь в номер на двери. Тринадцать. Его квартира. И дверь та же – обшарпанный дерматин, цифры криво прикручены. Напротив, квартира родителей в которой жили уже другие люди лет десять.

Ключ не лез. Он вообще, кажется, был не от этой двери. Глеб надавил плечом – дверь не поддавалась. Он отступил на шаг, взгляделся в номер. Тринадцать. Ну тринадцать же!

Глеб забарабанил кулаком по дерматину.

– Вера! – заорал он, и голос его, хриплый и пьяный, разнесся по всему подъезду. – Вера, ёбаный в рот! Опять ключ в двери оставила, дура! Открывай давай!

Он молотил в дверь, пинал её ногой в тяжелом ботинке. И вдруг замок щелкнул. Резко, коротко. Дверь распахнулась.

На пороге стоял мужик. Высокий, плечистый, в майке и семейных трусах, со спокойным, тяжелым взглядом человека, которого разбудили ни свет ни заря.

– Ты че орешь? – спросил мужик без злобы, даже с каким-то скучающим интересом. – Какого хера в дверь ломишься?

Глеб замер. Он смотрел на мужика, потом за его спину, в прихожую. Коврик. Вешалка. Всё своё, родное. И вдруг лицо его исказилось гримасой бешенства.

– Ах ты, сука! – прохрипел он, шагнув вперед. – Понял! Вера! Вера, шмара, любовника привела? Пока я там...

Мужик даже не шелохнулся, только бровь приподнял.

– Ты че, алкаш, попутал? Вали отсюда, пока ментов не вызвал.

– Кого? Ментов? – Глеба прорвало. – Да я тебя сам... Я тебя, падлу, сейчас! Убью! Век воли не видать, понял? Перережу, как барана!

Он провел большим пальцем по горлу, имитируя нож, и тут же этим же пальцем ткнул в сторону мужика, будто уже всаживал лезвие.

Мужик стоял, загораживая проход, и смотрел на этот цирк. А потом за его спиной, в полумраке прихожей, появилась фигура.

Вера. В длинном халате, заспанная, но с широко раскрытыми от ужаса глазами. Она смотрела на Глеба так, будто видела привидение.

– Олег, – тихо сказала она, положив руку на плечо мужику в майке. –пусти его.

Мужик обернулся к ней, потом снова на Глеба. В его взгляде мелькнуло понимание.

– Это он, что ли? – спросил он у Веры негромко.

Вера кивнула, не сводя глаз с бывшего мужа. В ее взгляде не было злости. Не было даже усталости. Там был страх пополам с какой-то мертвой, всё принимающей обреченностью.

– Заходи, Глеб, – сказала она тихо. – Это Олег. Я замуж вышла. Три месяца уже.

Глеб стоял, открыв рот. Рука, которой он только что резал горло, безвольно повисла. Мир вокруг поплыл снова, но теперь не от похмелья, а от абсолютной, непереносимой ясности.

Глеб перешагнул порог. Остановился в прихожей, обвёл взглядом стены. Коврик у двери. Вешалка. Трещина в плитке, которую он заливал силиконом года три назад. И чужие тапки. Большие, мужские, чёрные, стоят ровно, носками к двери.

Вера посторонилась, пропуская. Олег стоял в проходе на кухню, сложив руки на груди. Смотрел спокойно.

– Проходи на кухню, – сказала Вера. – Сядь. Ты зелёный весь.

Глеб прошёл. Сел на табурет. Уперся локтями в стол. Стол тот же, деревянный, с пятном от утюга. Но скатерть новая, клетчатая. Солонка другая, керамическая, петухом.

Вера встала у плиты, спиной к нему, включила чайник. Олег прислонился плечом к косяку, загораживая выход.

– Ты где был? – спросила Вера, не оборачиваясь.

Глеб молчал. Смотрел на свои руки. Руки лежали на столе, пальцы чуть подрагивали.

Чайник закипел. Вера налила в кружку, поставила перед ним. Обычная кружка, из сервиза, который они покупали вместе в «Икее». Глеб взял, обжёгся, поставил обратно.

Вера села напротив. Помолчала. Потом заговорила, глядя куда-то мимо него, в окно:

– Три года, Глеб. Три года прошло. Я заявление писала. В морги звонила. По больницам ездила.

Пальцы её теребили край скатерти, скручивали ткань в жгут.

– А потом перестала. Потому что нельзя же вечно. Потому что жить как-то надо.

Глеб смотрел на неё. Родное лицо. Другое лицо. Седина на висках, которой раньше не было.

– Я не специально, Вер, – сказал он. Голос сиплый, с хрипотцой. – Так вышло.

Вера кивнула.

– Ты всегда так, – сказала она тихо. – То по делам, то не специально.

Олег кашлянул, привлекая внимание. Глеб повернул голову, посмотрел на него.

– Чай пей давай, – сказал Олег, глядя куда-то в сторону окна. – И адрес вспоминай. Своих там, может, родственников. Или друзей.

Глеб смотрел на него. Долго. Потом перевёл взгляд на Веру.

– Это кто? – спросил он.

Вера подняла глаза.

– Это Олег. Мой муж. Три месяца, как расписались.

Глеб снова посмотрел на Олега. Тот стоял, не двигаясь, сложив руки на груди. Потом перевёл взгляд на Веру. На скатерть. На свои руки.

– Три месяца, – повторил он.

Помолчал.

– А я?

Вера ответила не сразу. Посмотрела в окно, где начинал накрапывать дождь. Первые капли били по стеклу редко, с промежутками.

– А ты пропал, – сказала она.

В кухне стало тихо. Только дождь за окном набирал силу, переходил в ровный, спокойный шум.

Олег отлепился от косяка, подошёл к плите, налил себе чаю. Сел на третий табурет, тот, что у стены. Треугольник: Глеб у окна, Вера напротив, Олег сбоку, между ними и выходом.

– Я поживу пока, – сказал Глеб, глядя в стол.

Олег поперхнулся чаем, закашлялся. Вера медленно подняла глаза на бывшего мужа.

– Где поживешь?

– Здесь, – Глеб обвёл рукой кухню. – У себя.

Вера и Олег переглянулись.

– Глеб, – сказала Вера. Медленно, будто разговаривала с тяжелобольным. – Здесь теперь живём мы. Я и Олег. Это наша квартира. По документам.

Глеб поднял на неё глаза. Посмотрел долго, не мигая.

– По документам, – сказал он. – А по жизни я кто?

Глеб встал. Пошатнулся, опёрся рукой о стол. Пошёл к выходу.

Олег не шелохнулся. Только голову чуть повернул, провожая взглядом.

В дверях Глеб остановился. Обернулся. Посмотрел на Веру. На Олега. На кухню. На стол, за которым сидели трое, а теперь осталось двое.

Ничего не сказал. Вышел в прихожую.

Щёлкнул замок входной двери.

Вера сидела неподвижно, глядя в одну точку на скатерти. Олег смотрел на неё.

Дождь стучал по стеклу.

– Ну и дела, – сказал Олег.

Вера молчала.

Глава 2: Заложенный подвал

Дождь перестал так же внезапно, как начался. Глеб вышел из подъезда и остановился, глядя на мокрый асфальт, в котором дробилось утреннее небо. В груди саднило, будто там, за ребрами, кто-то провел наждачной бумагой. Он сунул руку в карман куртки, нащупал смятую пачку – пусто. Спичек тоже не было.

Ноги понесли сами. Годы протоптали тропу так глубоко, что даже провал в три года не мог её загладить. Налево, вдоль дома, через арку, мимо помойки, где вечно копошились бродячие собаки, – и вот он, знакомый двор-колодец.

Глеб остановился у входа в арку. Прислушался к себе. Сердце колотилось где-то в горле, но не от быстрой ходьбы – от того, что сейчас он увидит своих. Толик, наверное, уже там. Колян, если не налился до беспамьяства. Сядем, разопьем, он расскажет, как съездил, как всё вышло само собой, не спросившись. А Вера... Вера подождет. Куда она денется.

Он шагнул в арку.

Двор встретил его тишиной. Глеб протер глаза, подумал спросонья, что ошибся местом. Скамейка, та самая, на которой они просиживали годами, была сломана. Доски выгнулись горбом, одна торчала ржавым гвоздем к небу. Вокруг ни души. Только голуби копошились в луже да бабка у дальней стены перебирала тряпье в тележке.

Глеб постоял, глядя на скамейку. Хотелось сесть, но садиться было некуда и незачем.

– Эй, – окликнул он бабку. – А где тут... ну, мужики?

Бабка подняла голову. Посмотрела на него долгим, мутным взглядом, скользнула по лицу, по мятой куртке, по грязным ботинкам. Отвернулась, будто не слышала.

Глеб сплюнул. Пошел дальше, туда, где за углом был подвал с выбитым окном. Там, бывало, ночевали, когда менты забирали на точках.

Окно было заложено кирпичом. Свежим, красным, на цементе.

Глеб смотрел на кирпичи и не понимал. В голове ворочалось что-то тяжелое, не желающее оформляться в мысль. Он полез в карман за сигаретой, вспомнил, что нет, выругался сквозь зубы и побрел дальше.

У ларька, где раньше брали «на розлив», теперь сверкала вывеска «Разливное пиво». Пластиковые двери, новенький козырек. Глеб зашел внутрь. За прилавком стояла незнакомая девка, красила ногти.

– Спичек дай, – сказал Глеб.

Девка подняла глаза, поморщилась:

– Спичек нет. Зажигалки вон, на витрине. Двадцать рублей.

Глеб пошарил по карманам. Мелочь нашлась, сколько – он не считал. Высыпал на прилавок. Девка взяла сколько надо, подвинула зажигалку.

– Слышь, – Глеб замаялся. – А где Толик? Ну, который тут раньше сидел? Торговал.

Девка посмотрела на него с любопытством.

– Какой Толик? Я тут три года работаю, никакого Толика не знаю.

Глеб вышел. Зажигалку сунул в карман, но рука не вынималась, так и осталась там, сжатая в кулак.

Три года. Опять эти слова. Вера говорила. Теперь эта девка.

Он шел по двору, сам не зная куда. Ноги гудели, ботинки промокли насквозь, носки хлюпали при каждом шаге. Остановился у помойки. Посмотрел на бак, переполненный, с вываливающимися наружу пакетами. И вдруг понял, что ищет. Не Толика. Не Коляна. А себя – того, который был здесь вчера. Который знал, где сесть, куда пойти, у кого стрельнуть.

Того Глеба здесь не было.

– Эй, дядь! – окликнул его детский голос.

Глеб обернулся. У стены дома, на корточках, сидел пацан лет десяти и рисовал мелом на асфальте. Смотрел на Глеба без страха, с любопытством.

– Вы кого ищете?

Глеб хотел ответить «не твое дело», но почему-то сказал:

– Мужиков ищу. Тут сидели раньше.

Пацан пожал плечами:

– А, алкашей? Так их давно нет. Скамейку сломали, чтоб не сидели. А дед Толя, который в подвале жил, он помер в прошлом году. Я сам видел, как увозили.

Глеб смотрел на пацана. Губы шевельнулись, но звук не вышел.

– А Колян? – выдавил он наконец.

– Не знаю, – пацан снова уткнулся в рисунок. – Уехал кто-то, посадили кого-то. Мне мама не велит с ними разговаривать.

Он поднял голову, посмотрел на Глеба внимательно, прищурился.

– А вы, дядь, тоже алкаш?

Глеб не ответил. Пошел прочь, к арке, чтобы выбраться из этого двора, который стал чужим за одну ночь.

У арки остановился. Прислонился лбом к холодной, мокрой стене. Закрыв глаза. Перед глазами стояла Вера в дверном проеме, за спиной у того мужика. «Три месяца, как расписались». А пацан сказал: «Дед Толя помер в прошлом году». А девка: «Три года работаю».

Глеб открыл глаза. Посмотрел на свои руки. Руки дрожали.

– Ничего не понимаю, – сказал он вслух. Голос прозвучал сипло, будто чужой.

Он вышел из арки и побрел вдоль дома, туда, где за углом, в соседнем дворе, был еще один подвал. Может, там кто-то остался. Может, Толик просто перебрался. Может, он всё перепутал и сейчас увидит знакомые лица, и всё встанет на место.

Он не заметил, как прошел два квартала. Очнулся у палатки с шаурмой. Запах жареного мяса ударил в нос, и желудок свело судорогой – Глеб вспомнил, что не ел со вчерашнего дня. А вчера... А что было вчера?

Денег не было. Он постоял, глядя, как вертится мясо на гриле, и пошел дальше.

В подвал вела железная дверь, наполовину врытая в землю. Раньше она была открыта, висела на одной петле. Сейчас висел замок. Новый, блестящий, с дождевыми каплями.

Глеб постучал. Тишина. Ударил ногой – дверь даже не дрогнула.

Из окна соседнего дома высунулась бабка:

– Чего стучишь? Нет там никого! Заварили всё, год как заварили!

Глеб поднял голову:

– А где они?

– Кто? – бабка всматривалась подслеповато.

– Ну, эти... которые тут жили.

– А шут их знает, – бабка махнула рукой. – Разогнали кого, разъехались кого. Время сейчас другое, милоч. Ты сам-то кто?

Глеб не ответил. Пошел прочь.

Время другое. Три года. Замуж. Помер. Заварили. Сломали.

Слова падали в голову, как камни в колодец, и тонули без всплеска.

Он сел на лавочку у соседнего дома, уже без разбора, чья она. Руки снова полезли за сигаретой. Пусто. Он сжал пустую пачку, смял, бросил под ноги.

Мимо прошла женщина с коляской. Глянула на него, ускорила шаг. Глеб проводил её взглядом и вдруг поймал себя на мысли, что смотрит на коляску. Раньше не смотрел. Раньше было плевать.

– Глеб? – голос раздался сбоку, неуверенный, будто спрашивающий у пустоты.

Глеб повернул голову. Перед ним стоял мужик в старой болоньевой куртке, с опухшим лицом и мутными глазами. В руке – авоська с пустыми бутылками.

Глеб всмотрелся. Что-то знакомое было в этом лице, в этих бровях, в этом взгляде исподлобья.

– Колян? – сказал Глеб, и сам удивился, как сел голос.

Колян сделал шаг назад. Перекрестился.

– Мать честная... Глеб? Ты? Живой?

Глеб смотрел на него и не понимал, почему Колян крестится. Будто привидение увидел.

– Ты чего? – спросил Глеб. – С ума сошел?

Колян подошел ближе, но остановился в шаге, будто боялся прикоснуться. Смотрел в лицо, в глаза, в куртку, в ботинки.

– А мы ж тебя... – начал он и замолчал.

– Чего – меня?

Колян оглянулся по сторонам, будто ища поддержки у пустого двора. Переступил с ноги на ногу. Бутылки в авоське звякнули.

– Похоронили мы тебя, Глеб, – сказал он тихо. – Мысленно. Два года назад. Или три...

А ты вон он.

Глеб молчал. Смотрел на Коляна. На его опухшее лицо, на седину в волосах, которой раньше не было. На морщины у глаз, глубокие, как трещины на асфальте.

– Садись, – сказал Глеб, освобождая место на лавке.

Колян сел. Поставил авоську между ног. Посмотрел на Глеба и быстро отвел глаза.

– Ты где был-то? – спросил он.

– Не помню, – сказал Глеб.

Колян кивнул, будто это был самый обычный ответ.

– Бывает. С Колей Таракановым тоже было. Уехал в Тверь в командировку, а вернулся через пять лет. Тоже не помнил. Спился вусмерть и помер в прошлом году.

Глеб слушал и смотрел, как во дворе голуби клюют рассыпанный корм.

– А Вера, – сказал он вдруг. – Замуж вышла?

Колян покосился на него, вздохнул.

– Давно, Глеб. Ты не тяни. Она баба молодая, чего ей одной куковать. Три года ждала, по моргам ездила. Потом перестала.

– Три года, – повторил Глеб.

– Ну да. А ты как думал?

Глеб не отвечал. Он думал, что вчера пил с Коляном. Или позавчера. Или неделю назад. А Колян говорит – три года. И сам Колян... Глеб посмотрел на него ещё раз. Колян был старый. Совсем старый. Хотя они ж ровесники.

– Слышь, Коль, – сказал Глеб. – А сколько нам лет?

Колян усмехнулся, показав редкие зубы:

– А ты чё, год рождения забыл? Мне пятьдесят два. Тебе, стало быть, пятьдесят один.

А чё?

Глеб замолчал. Он помнил, что ему сорок восемь. Твердо помнил. Сорок восемь исполнилось перед тем, как... Перед чем?

– Коль, – сказал он медленно. – Какой сейчас год?

Колян посмотрел на него долго, внимательно. В глазах его мелькнуло что-то похожее на жалость.

– Глеб, ты чё? Совсем плохой? Две тысячи двадцать четвёртый на дворе.

Глеб закрыл глаза. В груди зашевелилось что-то большое, холодное, поднимающееся изнутри. Он попытался вспомнить, какой год был тогда, когда он в последний раз видел Веру.

Когда уходил. Когда садился в поезд. Две тысячи двадцать первый? Двадцатый? Он не помнил. Провал. Чёрная, абсолютная пустота.

– А я помню, – сказал он вслух. – Я помню, как вчера с тобой пил. На точке. У ларька. Ты ещё бутылку разбил.

Колян вздохнул.

– Так то, Глеб, три года назад было. Или четыре. Я уж и не помню. Мы тогда с тобой каждый день пили. Все дни перемешались.

Глеб молчал. Сидел, смотрел перед собой. В голове было пусто и холодно, как в том подвале, который заложили кирпичом.

Колян поерзал на лавке.

– Ты это... идти куда-то собираешься? Или как?

Глеб повернул к нему голову. Посмотрел пустыми глазами.

– А куда идти?

Колян пожал плечами.

– Ну, не знаю. Жить где-то надо. Документы есть?

Глеб похлопал по карманам. Во внутреннем кармане куртки нащупал что-то твердое. Вытащил. Паспорт. Старый, потрепанный, в грязной обложке. Открыл. Фотография смотрела на него чужим, более молодым лицом. Год рождения. Прописка. Та самая квартира, где теперь живет Олег.

– Есть, – сказал он.

– Ну и ладно, – Колян поднялся, подхватил авоську. – Пошли, что ли. Тут недалеко хата есть, можно перетереть, обмыть встречу. У меня немного есть.

Глеб смотрел на него снизу вверх.

– А Вера?

Колян поморщился.

– Глеб, ты брось. Вера – прошлое. Там теперь другой хозяин. Ты сам видел.

Глеб вспомнил. Мужик в майке. Спокойные глаза. «Чай пей давай. И адрес вспоминай».

– Видел, – сказал он.

– Ну вот. Пошли.

Глеб поднялся. Ноги слушались плохо, колени дрожали. Он сделал шаг за Коляном, потом остановился.

– Коль, – окликнул он.

Колян обернулся.

– А че мыть будем?

Колян усмехнулся:

– Встречу, Глеб. Трёхлетней давности встречу.

Они пошли через двор. Глеб оглянулся на лавку, где только что сидел. Показалось, что там остался сидеть кто-то другой – тот, кто ещё верил, что всё можно вернуть.

Но лавка была пуста. Только голуби копошились в пыли.

В подъезде пахло кошками и кислыми щами. Колян поднимался медленно, держась за перила, на втором этаже остановился перевести дух. Глеб ждал сзади, глядя на его согнутую спину.

– Ты чего такой старый стал? – спросил Глеб.

Колян обернулся, хрипло рассмеялся:

– А ты в зеркало давно смотрелся?

Глеб промолчал. Зеркала он не помнил с тех пор, как... Давно.

Квартира была на третьем этаже, дверь обшарпанная, с цифрами, написанными фломастером. Колян долго возился ключом, матерясь сквозь зубы, наконец открыл.

Внутри было темно, пахло перегаром, сыростью и еще чем-то сладковатым, тошнотворным. Глеб перешагнул порог и остановился.

В комнате, на продавленном диване, сидели двое. Мужик в тельняшке, лысый, с синими наколками на руках, и женщина неопределенного возраста, в халате, с растрепанными крашеными волосами. На столе стояла початая бутылка, лежал раскрошенный хлеб и селедка на газете.

Мужик поднял голову, посмотрел на Глеба мутным взглядом.

– Это кто? – спросил он Коляна.

– Свой, – Колян прошел к столу, поставил авоську. – Глеб. Помнишь, я рассказывал?

Пропал года три назад.

Мужик всмотрелся. Женщина тоже уставилась на Глеба с любопытством.

– А, – сказал мужик. – Воскрес, значит. Бывает. Садись, Глеб. Наливай.

Глеб стоял в дверях, не в силах сделать шаг. Он смотрел на эту комнату, на этих людей, на бутылку, на селедку на газете. И вдруг с чудовишной, режущей ясностью понял: это и есть его дом. Теперь. Здесь.

Ни Веры. Ни квартиры. Ни прошлого. Только этот стол, эти люди, эта бутылка.

Он шагнул вперед. Сел на табурет, который скрипнул под ним. Женщина подвинула ему граненый стакан, мутный, с разводами.

– Наливай, – сказала она. – С прибытием, что ли.

Глеб взял бутылку. Водка плеснулась о стенки. Он налил полный стакан, до краев.

Мужик в тельняшке поднял свой:

– Ну, давай. За то, чтоб не пропадать.

Все выпили. Глеб тоже. Водка обожгла горло, покатила внутрь горячим комом. Он занюхал рукавом, крякнул.

Женщина закусывала селедкой, чавкала. Колян полез в карман за сигаретами.

Глеб сидел и смотрел в одну точку на стене. Там, над диваном, висел старый календарь. Две тысячи двадцать второй год. Ноябрь.

Он перевел взгляд на окно. За окном светило солнце, блики прыгали по мокрому асфальту. Хороший день. Тёплый.

Глеб налил ещё.

Глава 3: Чекушка в рюкзаке

Солнце било в глаза сквозь редкие кроны тополей, и Глеб зажмурился, переворачиваясь на лавке. Спина затекла, шею свело – спать на голых досках организм отвык за те годы, которых, как выяснилось, не было. Или были.

Он сел, свесив ноги, и долго смотрел на свои ботинки. Сырые, грязные, в засохшей бордовой каше – то ли борщ, то ли грязь, то ли кровь. Память ворочалась где-то в затылке тяжелым, не желающим просыпаться зверем. Вчера... или не вчера... был Колян. Точно был. Или не точно? Какая-то хата, бутылка, селедка на газете. А до этого – двор, пацан с мелом, бабка с тележкой. А до этого – дверь. Чужая дверь с родным номером. И Вера за спиной у мужика в майке.

Глеб провел ладонью по лицу, будто пытаясь стереть наваждение. Ладонь была шершавая, колючая – небритая уже несколько дней. Или лет. Он сунул руку в карман, нащупал паспорт. Вытащил, раскрыл. Фотография смотрела чужими глазами. Прописка – та самая, тринадцатая квартира.

Он закрыл паспорт и уставился в пустоту.

Идти больше некуда. Не к Коляну же, который то ли был, то ли нет, в ту хату, где чавкала женщина и висел календарь две тысячи двадцать второго года. Вера – единственная зацепка за нормальную жизнь. Даже если та жизнь теперь с другим. Хотя бы в долг попросить. Хотя бы объяснить. Хотя бы посмотреть в глаза.

Глеб поднялся. Ноги гудели, но слушались. Он пошел через двор, мимо сломанной скамейки, мимо подвала с кирпичной кладкой, мимо ларька, где девушка красила ногти и не знала никакого Толика. Солнце поднималось выше, день обещал быть теплым. Ранняя осень, или позднее лето, или что там сейчас – Глеб не знал. Он знал только, что надо идти.

Подъезд пахнул кошками и хлоркой – убрали недавно. Лифт не работал, и Глеб пошел пешком, держась за перила, считая ступени. Первый. Второй. Третий. Четвёртый. Площадка знакомая до каждой царапины на стене, до каждого пятна на полу. Дверь тринадцатая. Дерматин, цифры криво прикручены.

Глеб постоял, собираясь с духом. Нажал кнопку звонка.

Тишина. Он позвонил еще раз. Потом шаги. Неуверенные, медленные. Щелчок замка.

Дверь открылась.

Вера стояла на пороге. В халате, накинутом на плечи, с мокрыми волосами – только из душа. Лицо ее, когда она увидела Глеба, изменилось так быстро, что он не успел проследить все фазы. Сначала удивление – широко раскрытые глаза. Потом недоверие – она моргнула, будто проверяя, не мерещится ли. Потом боль – губы дрогнули, сжались в нитку. И наконец гнев, который прорвался наружу не криком, нет – страшным, сдавленным выдохом.

– Ты...

Она сделала шаг назад, впуская его в прихожую, и вдруг накинута, заколотив кулаками по груди, по плечам, по куртке. Удары были слабыми, женскими, но Глеб стоял не шелохнувшись, принимая их, как принимают наказание.

– Где ты был?! – голос ее срывался, переходил в визг, в плач. – Год! Целый год, скотина! Я все морги обзвонила! Заявление написала, что пропал человек! Ты понимаешь, что я пережила? Ты понимаешь?!

Глеб молчал. Он смотрел на нее и не узнавал. Под глазами – черные круги, на висках – седина, которой раньше не было. И морщины. Много морщин, будто за одну минуту пролегли.

– Вер... – начал он, но она перебила:

– Не смей! Не смей ничего говорить! Год! Я думала, ты умер! Лежишь где-нибудь в канаве, и собаки тебя грызут! А ты... ты...

Она закрыла лицо руками и зарыдала. Плечи ее тряслись. Глеб протянул руку, хотел погладить по голове, но она отшатнулась, будто от удара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.